

УДК 930(2);94(47);32.019.52
UDC
DOI: 10.17223/18572685/70/16

Исторические нарративы и репрезентации войны в коллективной памяти сообществ Рунета: темпоральные траектории и семантические сети*

Н.В. Трубникова¹, А.Ю. Саркисова², И.Е. Рогаева³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogueva@mail.ru

Авторское резюме

Проанализированы особенности коллективной репрезентации нарративов о войне в современных публикациях российской социальной сети «ВКонтакте» в контексте проблем национального самосознания и национальной идентичности. Материал для исследования извлечён автоматизированными методами с помощью открытого API «ВКонтакте» и составил 332 781 уникальный пост из открытых исторических сообществ за период с 01.01.2020 по 05.09.2022. С использованием узлов аналитической платформы PolyAnalyst обнаружено, что наиболее частотным и одновременно значимым (метрика учитывает среднюю частоту слова по всем текстам) в данной текстовой коллекции является слово «война». Выборка текстов со словом «война» (49 736 постов) подвергнута дополнительному анализу с целью исследования ключевых нарративов и семантических связей. Для обработки данных использовался комплекс методов обработки естественного языка (NLP). Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы и подходы современной нарратологии и истории памяти. Анализ больших данных социальных медиа подтвердил, что драма-

* Результаты получены в рамках государственного задания Минобрнауки, проект № FSWM-2022-0004 «Сетевой анализ современных представлений сообществ Рунета о России: основные исторические нарративы как основа национальной идентичности». Теоретико-методологическая основа применения программ автоматизированного анализа больших данных к предметному полю исторической памяти разработана в рамках программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

тичная историческая судьба России как естественное следствие факторов огромной территории, протяженных границ и изобилия природных ресурсов сформировала ментальную особенность россиян быть всегда готовыми к войне. Тематическая кластеризация текстов подтвердила доминирование практик коммеморации Великой Отечественной войны, отразила этатизм и этакратизм сознания россиян, продемонстрировала общественное внимание к репрезентациям войны в искусстве и науке, а также обнаружила блок «окопной правды» и его места в коллективных репрезентациях войны. Показано, что нарративы часто отличаются насыщенностью деталями и фактами, прагматизмом, прозаичностью и рационализмом. Эмпирический материал подтверждает, что особое значение в памяти россиян о войнах, безусловно, занимает XX в. Прокомментирован рейтинг упоминаний конкретных войн в исследуемой текстовой коллекции. Обозначено противопоставление Великой Отечественной войны Второй мировой войне, а Отечественной войны 1812 года – наполеоновским войнам начала XIX в. Отдельно исследован блок вопросов, касающихся информационных войн в современном мире. Обозначенный военный нарратив представляет интерес как фундамент «коллективного воображаемого», на основе которого выстраиваются перспективы и критические рубежи образа будущего.

Ключевые слова: военный нарратив, историческая память, национальная идентичность, социальные сети, большие данные

Historical narratives and war representations in the collective memory of Runet communities: Temporal trajectories and semantic networks*

N.V. Trubnikova¹, A.Yu. Sarkisova², I.Ye. Rogaeva³

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: troub@mail.ru

* The results were obtained under the state assignment of the Ministry of Education and Science, Project no. FSWM-2022-0004 “Network analysis of modern representations of Runet communities about Russia: Basic historical narratives as the basis of national identity.” The theoretical and methodological basis for the application of programs for automated analysis of big data to the subject field of historical memory was developed as part of the development program of Tomsk State University “Priority 2030”, Project No. 2.3.7.22 ONG.

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Abstract

The article analyses the collective representation of war narratives in the Russian social network VKontakte in the context of the problems of national self-consciousness and national identity. The material for the study was extracted by automated methods using the VKontakte open API. It amounts to 332,781 unique posts from open historical communities from January 1, 2020 to May 9, 2022. Using the PolyAnalyst platform, the authors found out that the word “war” is the most frequent and most significant (the metric takes into account the average frequency of a word in all texts) in this text collection. A sample of texts with the word “war” (49,736 posts) was subjected to additional analysis with a set of NLP methods to study key narratives and semantic connections. The theoretical and methodological basis of the study is the principles and approaches of modern narratology and the history of memory. The analysis of social media big data has confirmed that the dramatic historical fate of Russia, as a natural consequence of the factors of vast territory, extended borders, and abundance of natural resources, has shaped the mentality of Russians to be always ready for war. Thematic clustering of texts has confirmed the dominance of the practices of commemoration of the Great Patriotic War, reflected the etatism and etacratism of the Russian consciousness, demonstrated public attention to representations of war in art and science, and discovered the “trench truth” block and its place in the collective war representations. Narratives are often rich in details and facts, pragmatism, prosaic and rationalism. Empirical material confirms that the 20th century certainly occupies a special significance in the memory of Russians about wars. The authors comment on the rating of references to wars in the studied text collection and indicate the opposition of the Great Patriotic War to the Second World War, and the Patriotic War of 1812 to the Napoleonic Wars of the early 19th century. Some attention is also given to the issues of information wars in the modern world. The presented war narrative is of interest as the foundation of the “collective imaginary”, on the basis of which the prospects and critical boundaries of the image of the future are constructed.

Keywords: military narrative, historical memory, national identity, social networks, big data

Введение

Память о войне, прежде всего Великой Отечественной, несомненно, лежит в основе современного самосознания россиян и, шире, – жителей всех постсоветских стран. Значимость военных нарративов

подтверждается не только частотой упоминаний в медиасфере, но и многообразием аспектов осмысления исторической памяти: свидетельств участников и очевидцев; усвоения «опыта» и (или) «уроков», полученных их потомками; мифов и символов, затрагивающих мирную жизнь, но имеющих военный генезис; официальных нарративов, поддержанных государственной политикой, и неофициальных репрезентаций «коллективной травмы», претендующих на эмоциональную глубину и человечность; конфликтующих или почти не взаимодействующих версий военного прошлого. Центральным здесь остается вопрос о том, как именно репрезентации войн, консолидирующих национальную память, участвуют в процессах индивидуальной и коллективной самоидентификации человека, если рассматривать их вне упрощающих и, как правило, бинарных идеологем.

В фокусе представленного исследования располагаются коллективные репрезентации войны (в широком смысле), характеризующие воззрения современных пользователей русскоязычного сегмента Интернета, реализующих свой интерес к истории в рамках тематических сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Материалы и методы

Объектом настоящего исследования стал сегмент современного медиадискурса о войне, развивающийся в среде сообществ социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/>). По данным компании-разработчика системы анализа социальных медиа Brand Analytics [22], «ВКонтакте» лидирует среди социальных сетей России по числу авторов¹ и объёму контента. В октябре 2022 г. на просторах «ВКонтакте» было опубликовано 472 млн записей, а число авторов достигло 28 млн, что стало рекордным для всех социальных сетей в России [5]. Ядро активной аудитории «ВКонтакте» составляют подписчики в возрасте 25–45 лет.

Для анализа был отобран тематический контент о культовых личностях российской истории, с именами которых связаны наиболее значимые национальные нарративы. Сбор данных осуществлялся в несколько этапов. На первом из них был подготовлен перечень лингвистических маркеров, включающий в себя 26 имен российских исторических правителей и ряд обобщающих понятий политического спектра. За гранью рассмотрения остались деятели науки и культуры. Хронология отбора не затрагивала постсоветский период. Подробно технология формирования коллекции ключевых слов представлена в статье Н.В. Трубниковой и А.Ю. Саркисовой [23].

Далее был осуществлён поиск релевантных проблеме исследования виртуальных сообществ через открытый API «ВКонтакте» с использованием разработанной Центром прикладного анализа больших данных НИ ТГУ программной библиотеки методов по выгрузке и анализу данных Vkapi8 [17]. Было извлечено 150 997 текстов (время выгрузки – сентябрь 2022 г.). Посредством ручной валидации – удаления так называемых мусорных групп, содержащих в своём описании отсылки к темам, не соответствующим поисковому запросу (реклама, гороскопы, кулинария, названия улиц и т. д.), сообществ с числом подписчиков менее 50, а также закрытых профилей – из полученного массива было отобрано 622 виртуальных объединения, чей контент в наибольшей степени связан с темой исследования.

На финальном этапе сбора данных была осуществлена выгрузка текстовых записей сообществ за период с 01.01.2020 по 05.09.2022. Контент сообществ в общей сложности составили 708 155 сообщений.

Для выявления исторических репрезентаций войны, бытующих среди подписчиков «ВКонтакте», были использованы технологии автоматизированного интеллектуального анализа данных естественного языка посредством ресурса платформы PolyAnalyst (<https://www.megarputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – Megarputer Intelligence) [10]. Ключевыми инструментами исследования текстов стали узлы платформы PolyAnalyst: поисковый запрос, извлечение ключевых слов, извлечение сущностей, связи терминов, анализ тональности, кластеризация, резюме, узлы визуализации.

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование проводилось на пересечении подходов современной нарратологии, рассматриваемой с точки зрения изучения повествовательных моделей, используемых в медиасфере Интернета, и истории памяти.

С позиций современной нарратологии, подчеркивающей сложность цифровых текстуальных сред, процессы интернет-коммуникации характеризуются понятием «медиатекст», под которым понимается интегративный многоуровневый знак, объединяющий различные семиотические коды и открытый для изменений [9]. К признакам интернет-нарратива относят публичность (ориентацию на большую аудиторию), поликодовость (разнообразие информационных компонентов), интертекстуальность (взаимодействие разных текстов и их отсылки друг к другу), опосредованность (коммуникация

растянута во времени и пространстве), диалогичность, событийность и нарративную модальность (моделирование ряда событий) [13].

«Исторический нарратив» как понятие имеет глубоко вариативную природу в представлениях современных исследователей – от отдельных исторических источников до обобщённых дискурсов разного уровня, призванных объяснить эпохальные общечеловеческие сдвиги [12: 160–161]. Общей чертой исторических нарративов, согласно Х. Уайту, является ценностная рефлексия над «завершёнными» историями, сопоставление излагаемых событий с определённой рамкой моральных суждений, свойственных времени нарратора [1: 21–24]. Помимо сравнения аксиологических рамок разных времён, исторические модели нарративов заостряют и непосредственно проблему анализа разнообразных режимов темпоральностей в тексте – соотнесения различных порядков восприятия времени, пересекающихся в поле взаимодействия автора, интертекстуальной среды, адресата коммуникации. Иными словами, любой текст (в рассматриваемом случае – медиатекст) несёт в себе отголоски различных «хронотопов», по М.М. Бахтину [3: 235], – пространств, наполненных собственным историческим и культурным временем, где живут и действуют субъекты с различающимися моральными и поведенческими императивами, что требует равного внимания ко всем участникам коммуникации всех времён: нарратора, героев нарратива, адресата.

В истории памяти, также являющейся методологическим ориентиром исследования, выявляются исторические нарративы, обобщающие коллективные образы прошлого; те идеи, повествовательные стратегии и эмоциональные тональности, которые сопровождают наиболее существенные связи темпорального дискурса (отражающего корреляции прошлого, настоящего и будущего), формируя воспринимаемый обществом абрис национальной идентичности. История памяти всегда соотносит образы прошлого, создаваемого в рамках научного исторического и обыденного сознания. Именно историческая наука создаёт и транслирует национальные государственные нарративы, стремясь вписать в него традицию народной памяти [20: 7], но, как показывает опыт последних десятилетий, коллективные виды памяти нередко принимают форму «контрнарративов» и всё более властно и настойчиво вырываются из-под опеки одобряемых государствами официальных версий прошлого.

Образ войны в рецепции пользователей исторических сообществ «ВКонтакте»

Тема войны оказалась неожиданным и изначально непланируемым результатом исследования государственно-центричных нарративов Рунета, на первоначальном этапе соотносимых с историческими персоналиями – правителями Российской империи и СССР. Однако прикладной анализ больших данных показал, что в искомой выборке главным ключевым словом по соотношению критериев частотности (частота употребления конкретного ключевого слова в текстах) и значимости (средняя частота слова по всем текстам) оказалось слово «война». Кроме того, в числе слов-лидеров имеются семантически связанные с «войной» слова: «армия», «фронт», «конфликт», «противник», «операция», «победа», «войско», «оружие» и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые слова в текстах об исторических деятелях «ВКонтакте» (по убыванию)

Ключевое слово	Значимость	Частота
Война	100	111 210
Музей	58,50	59 999
Армия	51,02	65 301
Конфликт	50,35	54 073
Противник	49,83	57 829
Сила	47,59	46 593
Войско	47,56	59 217
Государство	47,54	47 524
Власть	44,01	43 566
Закон	42,94	42 407
Фронт	40,01	48 315
Начальник	34,86	39 941
Победа	34,30	36 941
Выставка	31,19	31 859
Борьба	31,17	28 868
Земля	30,20	29 061
Действие	29,64	25 576
Партия	29,53	33 647
Семья	28,54	25 335
Оружие	28,35	27 266
Школа	26,43	24 902
Намерение	26,13	23 267
Операция	25,78	27 697

Окончание табл. 1

Ключевое слово	Значимость	Частота
Правитель	25,53	29 965
Солдат	25,52	24 595
Гибель	25,00	21 948
Собрание	24,50	24 513
Президент	23,71	23 081
Оборона	23,25	23 485
Движение	22,19	20 026
Память	21,50	18 448
Правительство	21,47	21 294
Гражданин	21,24	18 602

Чрезвычайная насыщенность контента сообществ тропами военного конфликта позволяет прийти к выводу о том, что нарратив о войне является ключевым в пространстве «воображаемого» современных пользователей Рунета. Это умозаключение трудно соотносится с расхожим клише о том, что российская (и, еще шире, славянская) национальная культура традиционно исполнена миролюбия.

Так, ещё в конце 1920-х гг. историк Б. Никольский писал:

«Русский народ миролюбив. В этом не приходится убеждать того, кто хоть сколько-нибудь знаком с внутренним духовным обликом русского человека» [14: 65].

Однако несмотря на возведённое в ранг общеизвестной максимы миролюбие, сам Никольский вынужден признать многократность войн, выпавших на долю России. Ссылаясь на другого историка – С.М. Соловьева, он приводит данные о 245 нашествиях на Русь в один лишь период с 1055 по 1462 г. В дальнейшем, с XIV по XIX столетие, Россия воевала в общей сложности 329 лет [14]. Современные историки насчитывают до 997 вооружённых конфликтов период с 860 по 1914 г. [6, 7].

Историки единодушно приходят к выводу, что столь драматичная историческая судьба страны связана с огромной территорией, протяжёнными границами и избытком природных ресурсов, нуждающихся в защите, что стало для России «и благом, и бичом» одновременно. Мировоззрение россиян на протяжении жизней всех поколений формировалось вынужденной необходимостью быть всегда «настороже».

Эта специфическая черта национального самопознания и поныне ясно отражается в нарративах социальных сетей. Так, среди сообществ «ВКонтакте» разошлась на цитаты и многократные репосты заметка публициста, блогера и колумниста издания «Однако» Р. Носикова

«Война всегда рядом, или Почему русские мало улыбаются» [15]. В заметке автор подчеркивает, что война не только воспринимается россиянами как нечто неизбежное – она неизменная величина в символической системе координат жителей России. Более того, понимание неотвратимости войны и готовность в любой момент к её началу представляется публицисту фактически одним из столпов национальной идентичности россиян:

«Реальность русского так же заполнена воздухом, ветром, солнцем и женщинами, как и реальность какого-нибудь француза. Всё это есть. Но всё это – только тонкая ткань, дымка, мираж. Из-за этой занавеси, которую все, кроме русских, и принимают за действительность, на нас глаза в глаза смотрит главный персонаж в нашей истории, и от его дыхания ткань реальности колыхается, покрывается изморозью или местами обугливается. Мы проживаем всю нашу жизнь, обладая уникальным умением чувствовать этот взгляд. Мы проносим сквозь всю нашу жизнь иногда даже не осознаваемую Истину или максимум: Война всегда рядом. Каждый русский с самого рождения знает о войне. Он о ней всегда помнит, что и отличает его от его европейского собрата» [15].

Мирная жизнь, таким образом, представляется россиянам даже не передышкой между конфликтами, а непрочной иллюзией, которая с неизбежностью будет развеяна «дыханием войны». Это, вероятно, объясняет ещё одну столь же яркую черту русскоязычного военного нарратива, выявленную на основе прикладного анализа больших данных, – его безусловную прагматичность.

Для более детального анализа нами были отобраны исключительно те тексты, которые содержат слово «война». Финальная выборка составила 49 736 записей. Внутри этого массива алгоритмы PolyAnalyst выделили несколько смысловых кластеров (табл. 2). (Метрика «Поддержка» означает минимальное количество записей).

Таблица 2

Кластеры текстов о войне

№	Содержание кластера	Поддержка
1	Музей, великий, победа, выставка, память, посвятить, ветеран, акция, день, военно-исторический	6 923
2	Президент, страна, российский, американский, договор, заявить, государство, конфликт	5 315
3	Книга, история, фильм, автор, историк, событие, исторический, мемуары, видеокolleкция	3 665
4	Народ, русский, мир, победа, страна, власть	3 646

Окончание табл. 2

№	Содержание кластера	Поддержка
5	Немец, солдат, идти, дитя, боец, хлеб, фашист, рука, товарищ	3 232
6	Бой, лейтенант, боевой, самолет, командир, летчик, противник, полк, вылет, герой	2 724
7	Капитализм, буржуазия, страна, социализм, рабочий, класс, революция, хозяйство	2 313
8	Армия, войско, красный, советский, капитуляция, немецкий, союзник, генерал, японский	2 164
9	Корабль, флот, русский, крепость, турецкий, король, сражение, море, крейсер, морской	2 114
10	Военнопленный, лагерь, украинский, преступление, еврей, националист, тысяча, население	2 040
11	Начальник, назначить, армия, штаб, военный, округ, заместитель, командир, командующий	1 951
12	Орден, медаль, степень, фильм, актер, наградить, звезда, награда, роль, театр	1 932
13	Князь, царь, император, церковь, казак, храм, собор, государь, казачий, русский	1 862
14	Партия, съезд, коммунистический, рабочий, член, секретарь, совет, председатель, революция	1 799
15	Завод, самолет, конструктор, атомный, производство, танк, полет, пушка, вооружение	1 770
16	Армия, фронт, войско, танковый, операция, дивизия, наступление, противник, гвардейский	1 751
17	Писатель, институт, песня, поэт, родиться, премия, наука, школа, произведение, стих	1 694
18	Партизанский, отряд, партизан подпольный, пионерский, область, герой, организация	1 562
19	Обстрел, пункт, украинский, огонь, дополнительный, мера, населенный, прекращение	826

Самый крупный и стоящий особняком тематический кластер составили тексты, в которых транслируются практики коммеморации Великой Отечественной войны. Это закономерно объясняется тем фактом, что значительная часть рассматриваемых сообществ прямо аффилированы с различными музеями и экспозициями Российской Федерации. Показательно, что содержание второго и четвертого кластеров отразило выраженный у россиян этатизм сознания, в котором слабо разделены «страна» (как географическая и этнокультурная территория с проживающим на ней народом) и «государство» (как система власти и аппарат управления этой территорией). Этатизм и

даже этакратизм, возводящий государство в ранг сакральной ценности, как неоспоримая черта национальной идентичности россиян подтверждаются выводами отечественных исследователей [11].

На третьем месте находится массив записей, сфокусированный на репрезентациях войны в искусстве и науке, отзываясь на культурные события современной жизни. Пятёрку лидеров замыкает блок «окопной правды» – совокупность постов о солдатской и военной повседневности, представленной в деталях.

Компоновка кластеров свидетельствует о многогранности военного нарратива. Однако при разнообразии мотивов в текстах сохраняется «плотность» повествования – оно насыщено фактами, ориентировано на внешне нейтральное, предельно чёткое и непротиворечивое изложение событий, выявление их причин и последствий для непосредственных участников. Члены «исторических» сообществ судят о войне сугубо прагматично, в самых прозаичных категориях описания «военного быта». В публикациях о войне рассказывается «по существу»: конкретно, фактологично, без страха, эмоциональной риторики и поэтических метафор. Подписчики без труда включаются в дискурс войны, живо реагируя даже на сообщения, написанные в духе фронтовых сводок или справочников по военной подготовке; со знанием дела рассуждают о военных операциях, скрупулезно перечисляя силы противоборствующих армий, имена командующих, тактические действия, число потерь. Оценка успеха или провала операций даётся исключительно рациональная, в «сухом остатке» (безэмоциональных рассуждений о потерях и разрушениях):

«В целом основную задачу – задержать агрессора в приграничной полосе и обеспечить развёртывание главных сил – войска Северо-Западного фронта не выполнили».

«Две стрелковые роты при атаке на них танков противника не дрогнули и не отошли с занимаемых рубежей. В неравном бою личный состав рот полностью погиб», – сообщал особый отдел НКВД Западного фронта. За четыре часа бойцы уничтожили 18 вражеских танков и несколько сотен солдат противника».

В облаке смыслов, сформированном ключевыми словами «военного» сегмента записей сообществ, наиболее отчётливо просматривается XX в. (рис. 1). Тексты насыщены отсылками к двум российским революциям и трём глобальным конфликтам, выпавшим на долю страны в одном столетии: Первой и Второй мировыми войнам, а также к холодной войне.

тилетия и охвативший всю Европу, упоминается почти в четыре раза реже, чем фронт военных действий Бонапарта против Российской империи.

Не менее любопытно, что русско-турецкие войны (XVI–XX вв.) – напряжённая борьба, растянувшаяся на четыре столетия и ставшая коренным вопросом внешней политики Российской империи, – были вытеснены на самую обочину коллективной памяти (за исключением более популярной Крымской войны, эпически значимой и в качестве крупнейшего геополитического фиаско, и в качестве пролога будущих «великих реформ»).

Ещё меньше упоминаний можно найти о монгольском иге, которое почти не будоражит воображение Рунета, невзирая на продолжающиеся споры о его цивилизационном влиянии в дискурсе профессиональных историков.

Таблица 3

**Статистика упоминаний войн в российских исторических сообществах
«ВКонтакте»**

Война	Число упоминаний
Великая Отечественная война	17 487
Гражданская война	5 124
Вторая мировая война	3 991
Первая мировая война	3 094
Холодная война	1 419
Конфликт в Украине / Специальная военная операция / Конфликт на Донбассе	625
Крымская война	578
Отечественная война 1812 года	504
Война в Афганистане / Афганская война	349
Ливонская война	311
Война в Чечне / Чеченская война	268
Северная война	263
Наполеоновские войны	135
Война во Вьетнаме	72
Русско-турецкая война	46
Война в Ираке	38
Война в Сирии	34
Русско-японская война	30
Война в Ливии	23
Монгольское иго	14
Русско-шведская война	11

Предельная значимость Великой Отечественной войны в национальном самосознании подтверждается и данными социологических опросов. Так, опрос ВЦИОМ в июне 2020 г. показал согласие 95 % россиян с утверждением о том, что Победа в Великой Отечественной войне является главным событием XX в. для страны. Для 69 % наших сограждан Победа в 1945 г. является важнейшим событием в отечественной истории. Почти треть россиян (27 %) полагает это важным событием, но наряду с другими не менее значимыми (впрочем, данные опроса не позволяют понять, с какими именно). Примечательно, что такой ответ дала половина из числа опрошенных в группе 18–24 лет (не испытавших прямого воздействия советской идеологии), вторая половина этой же возрастной группы склонна считать Победу в Великой Отечественной войне важнейшим событием в истории государства [4].

Фонд Общественное мнение в апреле 2020 г. [18] предпринял попытку измерить эмоциональную составляющую памяти о Великой Отечественной войне. Данные опроса продемонстрировали, что подавляющее большинство россиян (более 70 %) испытывают исключительно позитивные чувства при упоминании словосочетания «Великая Отечественная война»: 39 % – гордость за страну, народ, подъём чувства патриотизма, 18 % вспоминают о великой победе, 8 % чувствуют себя счастливыми и радостными, 3 % ощущают благоговение, поскольку расценивают День Победы как «святой» праздник, 3 % в мыслях обращаются к участникам войны, по отношению к которым испытывают уважение. Количество негативных коннотаций численно уступает позитивным: у 13 % опрошенных напоминание о войне отозвалось слезами, грустью и сожалением, 11 % с печалью вспомнили о погибших родственниках, 11 % заметили, что напоминание о конфликте заставило их ощутить скорбь и горе, ещё 7 % респондентов признались, что чувствуют страх и даже ужас при упоминании этого события. Лишь один 1 % опрошенных заявил о своём безразличии к теме Великой Отечественной войны. При этом, несмотря на доминирование у современных россиян позитивных эмоций в отношении войны, ими самими было отмечено, что те их родственники, которые непосредственно участвовали в боевых действиях, не любят вспоминать события военных лет.

Великая Отечественная война – это не только самый значимый конфликт в истории, по мнению современных россиян, но и возведённый в абсолют образ «священной войны», соотносимой по характеру восприятия с христианской «лестницей духовных восхождений». Победа оборачивается заслуженной благодатью, поражения в сражениях первых лет войны – неизбежным крестным путём, ведущем

к спасению. В национальном воображении «идеальный тип» героя-фронтовика представлен почти канонически. Образы солдат на фотографиях военных лет, подобно ликам святых, строго взирают на потомков, их путь достоин встать в один ряд с житиями православных мучеников, претерпевших тяжкие испытания во имя безоговорочно благой цели – защиты Отечества. Виртуальные сообщества из раза в раз неустанно цитируют строки песни «Вечный огонь» Е. Аграновича из культового фильма «Офицеры»:

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой.

И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят.

Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут.

И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть...» [2].

Резонансную реакцию вызвала новость о предложенном Госдумой в феврале 2021 г. ужесточении наказания за оскорбление памяти защитников Отечества. «Исторические» паблики в черед репостов разместили на своих страницах статью руководителя проекта «Нюрнберг. Начало мира» Н. Осиповой о том, как, по её мнению, необходимо наказывать за оскорбление памяти фронтовиков. Осипова также обращается к словам Е. Аграновича, называя их «нашим символом веры» [16]. Рассуждая о героях войны, она отмечает:

«Это люди, с которыми хочется быть одной семьей. Других не надо. Они задали планку, до которой современность не доросла. Идеал мужского и женского. Идеал человеческого. Они создали наше мировоззрение, записывая в книги и на плёнку свои ценностные формулы. Определили наши взгляды ещё до рождения. Просто создавая свою высокую культуру, которой потом хватило, чтобы создать культуры в нескольких странах после распада СССР... Они изменили мировую историю» [16].

Рационализируя максимы исторической памяти, историк О.С. Поршнева пришла к выводу, что понимание Великой Отечественной войны как всенародной было сформировано фактом тотальной мобилизации советского общества и колоссальной ценой победы (26,6 млн жизней советских граждан). И потому Победа в этой войне стала «составной частью системы значимых ценностей россиян, «опорным образом национального сознания», важнейшим кодом культурной памяти» [19: 117].

Таким образом, подвиг военного поколения выступает мощным дидактическим примером для истинно патриотического поведения как в моменты военных вызовов, так и в условно мирное время. Готовность к мобилизации и самопожертвованию во благо Родины остаётся важной доминантой в структуре национальной идентич-

ности россиян, но с одной существенной оговоркой: для подобного духовного подъёма необходимо, чтобы война была расценена национальным сообществом и отдельным человеком как «правильная».

Именно в памяти о Великой Отечественной войне наиболее отчетливо проявляется рамка, отделяющая заурядный локальный конфликт от праведной народной войны. С одной стороны, это масштаб: «правильная» война колоссальна по своему охвату, распространяется на значительную часть ойкумены (в период войны 1812 г. ограничилась европейской частью Евразии, в годы Второй мировой войны затронула почти весь мир, а во время холодной войны – даже Космос), что значительный ряд исследователей, несомненно, стали бы трактовать как атрибут свойственного ментальности россиян «имперского сознания», включающего в себя гордость «за просторы и разнообразие державы, за военные победы» [24: 56].

Статистические данные, приведённые в табл. 3, показывают, что россиянам не интересны локальные конфликты, протекающие вдали от родных рубежей. Отсюда выводится ещё одна черта «нарратива войны»: поддерживаемая обществом война непосредственно затрагивает территорию России. Несмотря на серьёзную озабоченность судьбами мира, прежде всего, россиян беспокоит вопрос неприкосновенности собственных земель.

Следовательно, третьей гранью «праведной» войны будет её освободительный характер, под которым может подразумеваться ответ на агрессию другого государства, деокупация своих земель, захваченных врагом, или же вызволение из-под гнёта чужеземного владычества родственных славянских народов (постоянный «камень преткновения» в русско-турецких войнах).

«Русские не хотят убивать своих братьев, не меч они принесут, а освобождение...».

«Когда русские воевали за свою независимость, то были же и те, кто на них нападал».

«Мы не любим, когда нас бьют».

«Если власти той или иной страны проводят русофобскую политику, притесняют русских и русский язык, то священная миссия России состоит в том, чтобы защитить своих людей. Россия, будучи в числе великих держав, не может стоять в стороне, когда идёт посягательство на её геополитические интересы».

И, наконец, завершающим штрихом образа «праведной»/«правильной» войны является её поворотный характер для всего мирового исторического процесса. Россияне ожидают не только победы в войне, но и, в идеале, стремятся быть в авангарде радикальных изменений мира к лучшему. При желании можно ус-

мотреть в этом генетическую связь и с наследием «русской идеи», и с мечтами о «мировой революции», резюмируя, что современные пользователи Рунета сохраняют и поддерживают сложившийся ранее мессианский заряд русской культуры.

«22 июня 1941 года – печальная дата... связанная с беспрецедентным в мировой истории Подвигом наших соотечественников, отстоявших не только жизнь, свободу и независимость Отечества, но и освободивших Европу и весь мир от угрозы фашизма».

«Великая Победа – Великий Подвиг Советского Человека! Его силы духа, несгибаемой воли и сплочённости всего многонационального, трудового народа СССР, отвоёвавшего свою свободу на фронте и в тылу, защитившего свою Советскую Родину и освободившего мир от фашистской чумы. Спасибо им!»

«Россия спасает. В очередной раз. Не помня обид. Россия останавливает войну, спасая Армению от тотальной катастрофы и мгновенным броском закрепляется в самом центре Кавказа».

«В те годы, когда Красная армия наносила смертельные удары прежде считавшейся непобедимой гитлеровской Германии, в Европе это понимали прекрасно. «Здесь, на самой окраине Европы, где уже начинаются азиатские пустыни, несколько замечательных гвардейских дивизий и отрядов местного ополчения, ставшие могучим, кровотоющим сердцем всей России, спасли европейскую культуру и тем самым, может быть, и нашу Англию», – свидетельствовала, например, «Дейли телеграф», 18 января 1943».

«Медицинский спецназ России спасет Италию от смерти».

«Именно Россия развалила пятисотлетнюю империю Османов. Вместе с тем никто другой, как Советская Россия, спас Турцию Ататюрка от неминуемой гибели».

Информационная война

В рассуждениях о войне особняком располагается «информационная война». В исследуемой коллекции искомое словосочетание встречается 510 раз и одновременно опирается на следующие семантические маркеры:

Украина – 202

США – 135

Запад – 132

Украинец – 53

Нацизм – 23

Фашизм – 22

Фашист – 21

Поляк – 19

Национализм – 11

- Ревизионизм – 7
- Бандера – 7
- УПА – 6
- Коллаборационизм – 2
- Власов – 1

По характеру упоминаний видно, что за редким исключением в центре рассуждений об «информационной войне» находится противостояние российского доминирующего нарратива о Великой Отечественной войне и украинского националистического контрнарратива, предлагающего радикально иную концепцию исторической памяти, где повествуется не о победе советского народа над фашизмом, а о героическом противостоянии украинских патриотов, мечтающих о собственном государстве, в борьбе со всеми остальными. Драма Великой Отечественной войны в этой версии прошлого растворяется в рамке «схватки двух тоталитарных монстров», между фашизмом и сталинизмом поровну делится вина за преступления Второй мировой войны, а победоносная Красная армия представлена как армия оккупантов, насильно насаждавшая советский режим вопреки воле местного населения.

Исторические сообщества «ВКонтакте» единогласно и негодуяще опровергают украинский националистический нарратив, заявляя о заказном и исторически недостоверном характере ведущейся информационной войны. Авторы доказывают, что в картине прошлого украинскими националистами всё перевёрнуто «с ног на голову». Историки-ревизионисты культивируют как национальных героев Организацию украинских националистов (ОУН*) и Украинскую повстанческую армию (УПА*) (*обе организации запрещены в России*), якобы сражавшихся за «чистоту украинской нации» и независимую Украину, а на деле ставших пособниками фашизма.

«Во время войны члены этих группировок убили десятки тысяч евреев и около ста тысяч поляков и помогали нацистам в боях против советских солдат. Сейчас многие украинские националисты считают бойцов УПА, ОУН и Степана Бандеру героями, благодаря доблести которых «мечта о независимой Украине оставалась в живых»».

«Молодой украинский историк Владимир Вятрович возглавил Институт национальной памяти и пытается переписать прошлое, обращает внимание Джош Коэн в статье Foreign Policy. Ревизионист скрывает факты участия украинских националистов в холокосте и этнических чистках, а все исторические нестыковки объясняет советской пропагандой».

Популярной темой является политика притеснения в Украине малых этнических групп через насаждение единого украинского языка, в основе которой лежит указанная выше историческая концепция.

«Со времён евромайдана положение украинских поляков, венгров, румын, русинов и других нацменьшинств существенно ухудшилось... если нацменьшинства хотят спокойной жизни, то это может произойти при условии, что те не будут против героизации Бандеры и ОУН*... Часто из уст националистов слышится фраза «Украина для украинцев», которая принуждает все нацменьшинства покинуть родной дом и страну, в которой родились и жили».

Факты постоянной национальной дискриминации на территориях современной Украины, проявляемые и возобновляемые в разные исторические периоды, часто берутся из истории малых народов, например русинов:

«Галицкая фабрика смерти: более 100 лет назад на Украине появились первые концлагеря... Их узниками стали жители региона, который сегодня называют Западной Украиной. Но тогда ни Украины, ни украинцев не было. Местные жители называли свои земли Галицкой и Подкарпатской Русью и Буковиной, а себя именовали русинами, а часто и просто русскими».

Став объектом усиленной украинизации, являвшейся целью австро-венгерской антироссийской политики, малые народы утрачивали своё внутреннее единство:

«И к началу Первой мировой русины оказались расколотым народом. Как образно говорили москвофилы, «учителя и попики сделали своё дело»: за 24 года существования новой системы образования представители части молодёжи стали украинофилами».

Следующая волна жестокости потрясала те же земли в годы Второй мировой войны:

«Сегодня на фоне стремления президента Украины В. Зеленского побыстрее сблизиться с Польшей стоит вспомнить, как польские вояки истребляли украинских крестьян во время Второй мировой войны. Начиная с 1941 года, Армия Крайова зверски уничтожала целые сёла, в которых проживали украинцы и русины».

«Уже с лета 1944 года на территории нынешнего саноцкого повята боевики УПА усилили деятельность, реализуя здесь свою преступную идеологию, нападая на сёла, населённые поляками, а также русинами, не подчиняющихся приказам украинских националистов».

Таким образом, исторические сообщества Рунета с обеспокоенностью полемизируют с носителями ревизионистского военного «контрнарратива» и пытаются с «фактами в руках», цитируя профес-

сиональных историков, отстаивать объективность и историческую справедливость своей версии прошлого.

Персоналии

В структуре нарратива о войне видное место занимает ряд исторических личностей. При помощи узла «Извлечение сущностей», нацеленного на поиск объектов реального мира, имеющих имена собственные (людей, локаций, организаций и т. д.), было выявлено 67 455 уникальных имён личностей, упоминаемых в текстах о войне. Среди выявленных персоналий крайне мало иностранцев, которые представлены в основном государственными деятелями зарубежных государств: У. Черчилль, Г. Трумэн, Ф. Кастро, Ким Чен Ир, Ким Ир Сен и т. д. Участников исторически сообществ в первую очередь интересуют персонажи отечественной истории, а среди них – люди, владевшие рычагами власти в России в разные периоды (рис. 2).

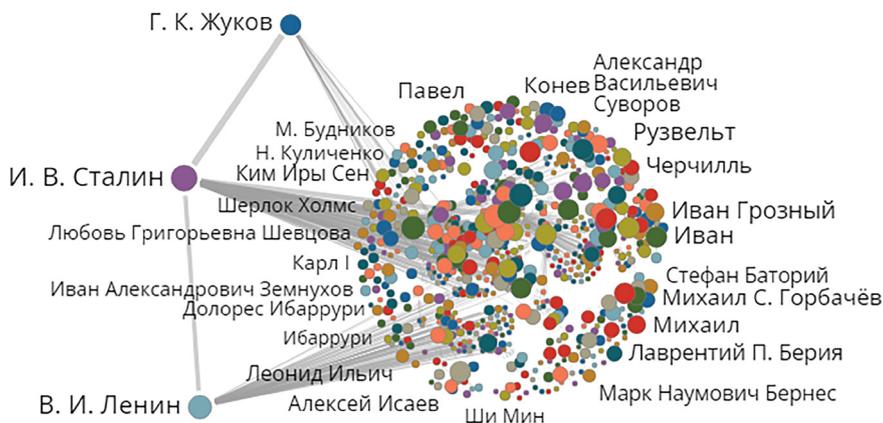

Рис. 2. Граф связей между персоналиями в текстах о войне.

В частоте упоминаний первое место принадлежит И.В. Сталину, непосредственные отсылки к которому встретились в массиве данных о войне 6 726 раз. Вторую позицию занимает В.И. Ленин, чьё имя используется в сообщениях 5 743 раза. Среди непосредственно военных героев лидерство принадлежит маршалу Г. К. Жукову – 1 412 упоминаний.

Выявленная в анализе массива данных популярность Жукова коррелирует с результатами исследования ВЦИОМ, предпринятого в декабре 2019 г. [8]. Как показал социологический опрос, среди пред-

ставителей российских военнослужащих всех эпох отечественной истории наиболее любим именно Жуков. Его считают подлинным героем Отечества 62 % опрошенных. Образ Жукова лидирует во всех возрастных группах, но наибольшее уважение он вызывает в самом старшем сегменте респондентов (60 лет и старше).

В сетевом нарративе о войне Г.К. Жуков выступает в разных ипостасях: как маршал Победы, как соратник Сталина и, наконец, как антагонист Сталина. Одни члены сообществ превозносят личные качества командующего, подчёркивая сочетание полководческого дара, таланта писателя и стремление бороться за лучшую долю для своей Отчизны. В записях сообществ публикуются приказы Жукова, анализируются его стратегические дилеммы как командующего фронтом, успешные операции и т. п. Жуков предстаёт подлинным Георгием Победоносцем:

«Все мы знаем, что Жуков – фигура в русской истории исключительная, человек редкого военного таланта, отличался личным мужеством, силой духа, принципиальностью. Но помимо всего Маршал был человеком творческим, любящим свою Родину. Послевоенные годы Жуков посвятил написанию книги «Воспоминание и размышление», чтобы донести до последующих поколений героический дух войны».

Вместе с тем существует и другая линия нарратива о героическом маршале, отражающая его неблагоприятные поступки, в частности участие в «авантюрах Хрущёва» (интригах в борьбе за власть после смерти Сталина). Критический мотив восприятия Жукова отразился и в мемуарах маршала К.А. Мерецкова «На службе народу», часто цитируемых на просторах «ВКонтакте». В своих воспоминаниях последний пытался реабилитировать И.В. Сталина и снизить градус народного преклонения перед Жуковым. Мерецков называл несправедливыми обвинения в адрес верховного главнокомандующего о том, что тот якобы был некомпетентен в вопросах ведения войны. Кирилл Афанасьевич подчёркивал, что единственным человеком, которого можно благодарить за Победу, является исключительно Сталин, державший в руках все нити управления страной:

«Антисоветчики любят упрекать Сталина в том, что он не разбирался в военных вопросах... Жуков – вот кто настоящий творец победы, а Сталин – так, формально руководил войсками, да мешал всем воевать. Жукова можно благодарить за руководство отдельными военными операциями, за его деятельность в качестве представителя Ставки и Заместителя Верховного Главнокомандующего (что и так очень весомо!), но зачем же палку перегибать? ...практически ни одна военная или военно-экономическая проблема, стоявшая перед страной, не решалась без прямого участия Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Вот ему и скажем спасибо за грамотное руководство, приведшее к победе в войне».

Блогер Д. Русский [21], цитируемый «ВКонтакте», подводя итог рассуждениям о Жукове и Сталине, выражает мнение, что они были фигурами принципиально разного масштаба, сравнивать которые, по его убеждению, некорректно (и при этом всё же делает попытку сравнения). Русский признает талант Жукова, называя его одарённым и талантливым полководцем, «коих, впрочем, много». При этом подлинные заслуги в Победе, по мнению автора, принадлежат Сталину, чей гений руководителя обеспечил стране Победу.

Таким образом, разноречивые репрезентации Жукова всё же сводятся к доброму, позитивному образу маршала. В этом смысле Жуков стал консолидирующей фигурой национального воображаемого: несмотря на отдельные попытки пересмотреть значение его вклада в победу, действенных аргументов, которые могли бы поколебать значимость его образа, ставшего почти мифологическим, в социальной сети «ВКонтакте» найти не удалось.

Алгоритмы интеллектуального анализа больших данных позволили выделить целую группу военных, собирательный образ которых вызывает неизменную симпатию Рунета. Ими оказались лётчики. Восхищение героизмом пилотов – настойчивый мотив сообщений. Слова «лётчик» и «герой» часто встречаются в текстах в пределах пяти ближайших слов семантической сети. Чаще всего посты связаны с конкретными именами военных и описанием их подвигов: таранов, ночных вылетов, воздушных боев:

«Жизнь пилота на войне зачастую была недолгой. Ожесточённость воздушных боев достигала невиданного в истории накала».

«...Наутро страна узнала о том, что погиб Талалихин Виктор Васильевич, подвиг которого стал символом несгибаемой стойкости всего советского народа».

«...Завязался бой, у Ковзана отказало вооружение, и тогда он решил таранить самолет противника. После удара тот пошёл к земле и разбился, а Ковзану удалось справиться с управлением и благополучно приземлиться. Эта невероятная история повторилась в феврале 1942, а затем в июле – Ковзан успешно таранил противников, а затем сажал свой повреждённый самолет».

В рассказах о лётчиках словно оживает архетипический миф о древнем героическом богатыре. Современным пользователям Рунета, как и нескольким поколениям их предков, явно импонирует безрассудная смелость пилотов, презревших смерть.

Исходя из результатов автоматизированного сентимент-анализа платформы PolyAnalyst (узел «Анализ тональности»), выявившего про-

центное соотношение оценочных суждений авторов текстов, вербализованных в эмотивной лексике нарратива о войне, лётчики снискали однозначно позитивную, практически всеобъемлющую любовь россиян. Позитивные коннотации превышают негативные в 19 раз (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение позитивных и негативных тональностей в текстах о войне

Головной объект	Негативные тональности	Позитивные тональности
Россия	266	222
Родина	20	439
Военачальник	5	391
Сталин	272	312
Войско	128	250
Командир	35	308
Летчик	16	305
Полководец	10	299
Задание	26	269
Сведение	69	216
Политика	182	70
Вылет	0	249
Севастополь	2	235
СССР	110	124
Красная армия	30	194
наступление	47	165
Разведчик	5	207
Офицер	39	171
Последствие	187	8
Военный	110	69
Противник	61	113
Испытание	116	57
Оружие	61	107
Советский	89	76
Танк	33	131
Немец	102	61
Удар	114	69
Актер	8	149

Уважение и народную любовь вызывают не только люди, но и неодушевлённый участник войны – боевая техника. Любопытно, что объектом любви стали не самолёты, связанные с нарративом о героях лётного дела, а танки. Граф тональностей, связанных с объектом «танк», демонстрирует чувство гордости соотечественников за боевую

Заключение

Русскоязычное пространство Интернета отражает удивительную монолитность и межпоколенческую преемственность памяти о войне. Современные россияне солидарны в оценках большинства понятий, формирующих военный нарратив, любят и ненавидят одних и тех же героев, восхищаются одними и теми же событиями. В коллективной памяти населения России – страны, в которой на долю каждого поколения выпал свой вооружённый конфликт, война оказалась структурообразующим элементом коллективной памяти, которая, кажется, и не нуждается в дополнительных усилиях по коммеморации важных событий. Демонстративно мужественные повествования о войне, несомненно, скрывают под собой серьёзную и, увы, пока латентную коллективную травму, в них мало слышны голоса гражданских жертв, сожаления о массовых смертях и разрушениях, не приоритетны ценности гуманизма и политического компромисса, которые должны прийти на смену военному конфликту.

Военный нарратив создает горький и суровый, но крепкий фундамент «коллективного воображаемого», на основе которого и будут выстраиваться перспективы и критические рубежи образа будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Автор – пользователь, сделавший хотя бы один открытый публичный пост (в профиле, сообществах, комментариях). Сообщения в личной переписке или публикации в режиме «Только для друзей» не учитываются [Новости ВКонтакте].

ЛИТЕРАТУРА

1. *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *Critical Inquiry*. 1980. Vol. 7, № 1. Autumn. P. 5–27.

2. *Агранович Е.Д.* От героев былых времен не осталось порой имен. URL: <https://www.culture.ru/poems/25807/ot-geroev-bylykh-vremen-ne-ostalos-poro-i-imen> (дата обращения: 01.11.2022).

3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

4. Великая победа – главное событие в истории нашей страны в XX веке // ВЦИОМ. 23 июня 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 01.11.2022).

5. ВКонтакте – крупнейшая площадка по количеству публикаций и авторов

- в России // Новости ВКонтакте. 16 ноября 2022. URL: <https://vk.com/press/brand-analytics-october> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1700 гг. Т. I. М.: Руниверс, 2019. 1209 с.
7. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг. Т. II. М.: Руниверс, 2019. 1177 с.
8. Герой Отечества: выбор россиян // ВЦИОМ. 09 декабря 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroj-otechestva-vybor-grossiyan> (дата обращения: 01.11.2022).
9. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 320–334.
10. Киселев М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А., Сазонов Д.С. и др. Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.
11. Милюкова О.В., Федотов А.С. Этакратизм российского массового сознания // Власть. 2012. № 7. С. 10–15.
12. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и презентации исторического знания // Epistemology & Philosophy of Science. 2012. Т. XXXI, № 1. С. 158–173.
13. Моштылева Е.С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Н. Новгород, 2021. 190 с.
14. Никольский Б. Войны России // Русский колокол. 1928. № 3. С. 65–72. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/russky_kolokol_1928_3_text.pdf (дата обращения: 01.11.2022).
15. Носиков Р. Война всегда рядом, или Почему русские мало улыбаются // Однокл. 16 октября 2011. URL: <http://www.odnako.org/blogs/voyna-vsegdayadom-ili-pochemu-russkie-malo-ulibayutsya/> (дата обращения: 01.11.2022).
16. Осипова Н. Пять лет строгого кинорежима // Нюрнберг. URL: <https://nuremberg.media/epocha/20210301/118666/Pyat-let-strogogo-kinorezhima.html> (дата обращения: 01.11.2022).
17. Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPI8. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.
18. Память о войне // Фонд Общественное мнение. 20 мая 2020. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (дата обращения: 01.11.2022).
19. Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 4. С. 112–119.
20. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
21. Русский Д. Маршал Мерецков: Сталин решал всё // Дзен. URL: https://dzen.ru/media/russkiy_analizknig/marshal-mereckov-stalin-reshal-vse-62c5f72d8e03103b2079fc3f (дата обращения: 01.11.2022).

22. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 [Электронный ресурс] // Brand Analytics. 16 ноября 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (дата обращения: 01.11.2022).

23. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте») // Русин. 2022. № 69. DOI: 10.17223/18572685/69/17

24. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.

REFERENCES

1. White, H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. 7(1). pp. 5–27.

2. Agranovich, E.D. (n.d.) *Ot geroev bylykh vremen ne ostalos' poroy imen* [There are sometimes no names left from the heroes of other times]. [Online] Available from: <https://www.culture.ru/poems/25807/ot-geroev-bylykh-vremen-ne-ostalos-poroi-imen> (Accessed: 1st November 2022).

3. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies from Various Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

4. VTsIOM. (2020) *Velikaya pobeda – glavnoe sobytie v istorii nashey strany v XX veke* [The Great Victory – the main event in the history of our country in the 20th century]. 23rd June 2020. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashey-strany-v-xx-veke> (Accessed: 1st November 2022).

5. Vk.com. (n.d.) *Vkontakte – krupneyshaya ploshchadka po kolichestvu publikatsiy i avtorov v Rossii* [VKontakte is the largest platform by number of publications and authors in Russia]. 16th November 2022. [Online] Available from: <https://vk.com/press/brand-analytics-october> (Accessed: 1st November 2022).

6. Seleznev, Yu.V. & Kurbatov, O.A. (2019) *Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1700 gg.* [Military conflicts, campaigns, and hostilities of Russian troops, 860–1700]. Vol. 1. Moscow: Runivers.

7. Averin, I.A., Kudryashov, I.Yu., Klimov, D.V. & Shefov, N.A. (2019) *Voennye konflikty, kampanii i boevye deystviya russkikh voysk, 860–1914 gg.* [Military conflicts, campaigns, and hostilities of Russian troops, 860–1914]. Vol. 2. Moscow: Runivers.

8. VTsIOM. (2019) *Geroy Otechestva: vybor rossiyan* [Hero of the Fatherland: Russians' choice]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroj-otechestva-vybor-rossiyan> (Accessed: 1st November 2022).

9. Kazak, M.Yu. (2012) Spetsifika sovremennogo mediateksta [The specificity of modern media text]. In: Solganik, G.Ya. (ed.) *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Linguistics of speech. Media stylistics]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 320–334.

10. Kiselev, M.V., Slynko Yu.N. et al. (2016) *Programma dlya EVM “Sistema*

intellektual'nogo analiza dannykh PolyAnalyst" [Computer programme "PolyAnalyst Intelligent Data Analysis System"]. Certificate of registration of the computer program RU 2016617923, 18.07.2016. Application No. 2016615029 dated May 18, 2016..

11. Milyukova, O.V. & Fedotov, A.S. (2012) Etakratizm rossiyskogo massovogo soznaniya [The etakratism of the Russian mass consciousness]. *Vlast*: 7. pp. 10–15.

12. Mishalova, E.V. (2012) Istoricheskiy narrativ kak forma organizatsii i reprezentatsii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 31(1), pp. 158–173 (in Russian).

13. Moshtyleva, E.S. (2021) *Modeli narratsii v sovremennoy russkoyazychnoy internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskiy i lingvostilisticheskiy analiz* [Narrative models in contemporary Russian-language Internet communication: a linguopragmatic and linguistic analysis]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

14. Nikol'skiy, B. (1928) Voyny Rossii [Russia's wars]. *Russkiy kolokol*. 3. pp. 65–72. [Online] Available from: https://vtoraya-literatura.com/pdf/russky_kolokol_1928_3_text.pdf (Accessed: 1st November 2022).

15. Nosikov, R. (2011) Voyna vseгда ryadom, ili Pochemu russkie malo ulybayutsya [War is always around, or Why the Russians don't smile much]. *Odnako*. 16th October. [Online] Available from: <http://www.odnako.org/blogs/voyna-vsegda-ryadom-ili-pochemu-russkie-malo-ulibayutsya/> (Accessed: 1st November 2022).

16. Osipova, N. (2021) *Pyat' let strogogo kinorezhima* [Five years of a strict film regime]. [Online] Available from: <https://nuremberg.media/epoha/20210301/118666/Pyat-let-strogogo-kinorezhima.html> (Accessed: 1st November 2022).

17. Palkin, R.V., Saprykin, V.O., Goyko, V.L. & Sayfulin, E.R. (2019) *VKAPI8. Biblioteka metodov po vygruzke i analizu dannykh iz sotsial'noy seti "VKontakte"* [A library of methods for uploading and analysing data from the social network VKontakte]. Certificate of registration of the computer program RU 2019662001, 09/13/2019. Application No. 2019661005 dated 09/10/2019.

18. *Fond Obschestvennoe mnenie*. (2020) Pamyat' o voyne [Memory of War]. 20th May 2020. [Online] Available from: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (Accessed: 1st November 2022).

19. Porshneva, O.S. (2005) Fenomen istoricheskoy pamyati o voyne [The phenomenon of historical war memory]. *Ural'skiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*. 4. pp. 112–119.

20. Repina, L.P. (2020) *Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the Present: History-Memory and National Identity Narratives]. Moscow: Akvilon.

21. Russkiy, D. (n.d.) *Marshal Meretskov: Stalin reshala vse* [Marshal Meretskov: Stalin decided everything]. [Online] Available from: https://dzen.ru/media/russkiy_analizknig/marshal-mereckov-stalin-reshal-vse-62c5f72d8e03103b2079fc3f (Accessed: 1st November 2022).

22. Brand Analytics. (2022) *Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2022* [Social media in Russia: figures and trends, autumn 2022]. 16th November. [Online] Available from: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (Accessed: 16th November 2022).

23. Trubnikova, N.V. & Sarkisova, A.Yu. (2022) Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network). *Rusin*. 69. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/17.

24. Hosking, J. (2001) *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: The People and the Empire (1552–1917)]. Translated from English. Smolensk: Rusich.

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Natalia V. Trubnikova – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: troub@mail.ru

Саркисова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Anna Yu. Sarkisova – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Рогоева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

Irina Ye. Rogaeva – National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: irina_rogaeva@mail.ru